

26.00.01 Теология

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2021-17-3-45-82

Д. В. Мухетдинов

Московский исламский институт, г. Москва,

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ОЧЕРК ИСТОРИИ ТРАДИЦИИ ПЕРЕВОДОВ КОРАНА НА СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ XVI–XVIII ВВ.: РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ, ЦАРСТВО РУССКОЕ, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

МУХЕТДИНОВ Дамир Ваисович —

д-р теологии, ректор.

Московский исламский институт

(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, д. 12);

директор Центра исламских исследований, проф.

Санкт-Петербургского государственного университета

(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11).

E-mail: dmukhetdinov@gmail.com

Аннотация: Эта статья по своему замыслу продолжает, развивает и дополняет наши работы на тему истории традиции переводов Корана на различные европейские языки. В настоящей работе сделана попытка научного переосмысления истоков традиции переводов Корана на русский язык, история которой обычно отсчитывается начиная с первых десятилетий XVIII в. При этом к концу XVIII в. — началу XIX в. традиция перевода Корана на русский язык являлась весьма развитой: Коран был представлен в русскоязычном пространстве и в научном, и в литературном, и в духовном контекстах.

Однако история и генезис этой традиции не могут быть удовлетворительно изучены и осмыслены в отрыве от единого интеллектуального пространства Восточной Европы, в рамках которого как минимум с XVI в. уже существовала автохтонная традиция переводов Корана на западнорусский/старобелорусский язык, зародившаяся среди татар Великого княжества Литовского, а затем — Речи Посполитой и царства Русского. Отметим, что данная работа по преимуществу опирается на сведения, накопленные историей, востоковедением, корановедением и другими научными дисциплинами в XIX — нач. XXI века.

Ключевые слова: Коран, литературное наследие литовских татар, русские переводы Корана, Петр Постников, Михаил Веревкин, восточноевропейское интеллектуальное пространство.

Для цитирования: Мухетдинов Д. В. Очерк истории традиции переводов Корана на славянские языки в интеллектуальном пространстве Восточной Европы XVI–XVIII вв.: Речь Посполитая, царство Русское, Российская империя // Ислам в современном мире. 2021; 3: 45–82;

DOI 10.22311/2074-1529-2021-45-82

Статья поступила в редакцию: 07.05.2021

Статья принята к публикации: 13.08.2021

Введение

Данная статья по своему замыслу продолжает, развивает и дополняет наши работы на тему истории традиции переводов Корана на различные европейские языки, опубликованные за последний год. Все эти работы объединены единым методологическим замыслом — исторической реконтекстуализации, реконцептуализации истории бытования коранического текста, в данном случае — в европейском интеллектуальном пространстве. Как уже неоднократно нами отмечалось, подобного рода реконтекстуализации должны самым строгим образом опираться на имеющиеся научные сведения; более того — только историческая реконтекстуализация рассматриваемого феномена способна обновить целостное историческое представление о нем и включить массив ранее и вновь открывшихся научных данных в единый интерпретативный контекст.

В настоящей работе сделана попытка научного переосмысления истоков традиции переводов Корана на русский язык, история которой обычно отсчитывается начиная с первых десятилетий XVIII в. — именно этим периодом датируются первые рукописи того, что можно назвать собственно переводами Корана на русский язык, близкий по своим характеристикам к современному и практически полностью

с ним взаимопонятный. При этом значительно реже делается акцент на том, что являлось *источником* появления в первой половине XVIII в. полных переводов Корана на русский язык, уже отличавшихся сравнительно высоким уровнем исполнения. Если такой вопрос ставился, то прежде всего исследователи обращали внимание на тот факт, что на становление традиции перевода Корана на русский язык решающее влияние оказало ознакомление россиян с достижениями европейской науки в рассматриваемый исторический период.

Однако несмотря на значительную роль западной учености в становлении российской традиции перевода Корана, ее история и генезис не могут быть удовлетворительно изучены и осмыслены в отрыве от *единого интеллектуального пространства Восточной Европы*, в рамках которого как минимум с XVI в. уже существовала *автохтонная традиция* переводов Корана на западнорусский/старобелорусский язык, зародившаяся среди татар Великого княжества Литовского, а затем — Речи Посполитой и царства Русского.

Таким образом, для осмысления генезиса традиции перевода Корана на русский язык¹ требуется концептуализация и соответствующее научное рассмотрение такого важнейшего феномена, как *традиции переводов Корана на славянские языки в интеллектуальном пространстве Восточной Европы XVI–XVIII вв.* Под славянскими языками в данном случае понимаются: западнорусские/старобелорусские письменные диалекты, использовавшиеся литовскими татарами (впоследствии также польский язык, о чем см. далее), а также русский язык в различных его письменных формах, бывших в ходу в царстве Русском и Российской империи в период XVI–XVIII веков. *Все это делает традицию перевода Корана на русский, украинский², белорусский и польский языки одной из старейших в Европе*, ставя ее в один ряд с традицией перевода Корана на романские диалекты Пиренейского полуострова, активно развивавшейся в контексте литературной традиции испанских мусульман в XVI–XVII веках.

Отметим, что данная работа по преимуществу опирается на сведения, накопленные историей, востоковедением, корановедением и другими научными дисциплинами в XIX — нач. XXI века. Не ставя задачу отразить весь массив научных и документальных данных, имеющихся

¹ И, соответственно, многие другие языки, которые, развивая собственную традицию перевода Корана, в значительной степени опирались на имеющиеся русскоязычные образцы, а также накопленный духовный, научный и литературный опыт русскоязычного сообщества в данной области.

² История традиции перевода Корана на украинский язык излагается в работе: Якубович М. Переводы Корана на украинский язык: краткая история // Rocznik Tatarow Polskich. Seria 2. T. V (XIX). 2018. С. 45–60.

Заметим, что данная работа также содержит множество ценных сведений, касающихся развития традиции переводов Корана на восточноевропейском пространстве.

по данной теме, мы старались привести в едином контексте наиболее значимые из них, дабы реконцептуализировать их в новом, едином контексте. По нашему мнению, эта концептуальная работа необходима для столь насущной сегодня реактуализации многих из этих сведений, их включения в современную и будущую научную работу и всесторонней активизации этой последней.

Зарождение перевода Корана на славянские языки Восточной Европы в контексте письменной традиции литовских татар

Полагаем, что наше изложение должно быть предварено кратким повествованием об истории татарского сообщества Великого княжества Литовского и Речи Посполитой и его литературной традиции. В науке эта этническая группа называется «литовские татары». Литовские татары были преимущественно тюркского происхождения и мусульманского вероисповедания. В качестве отдельной этнической группы литовские татары заявили о себе уже к концу XIV — началу XVI века.

При этом важно отметить, что со временем литовские татары стали активно пользоваться письменным *западнорусским/старобелорусским языком*, а после Люблинской унии 1569 г. Великого княжества Литовского и Королевства Польского, ознаменовавшей рождение Речи Посполитой — *польским*, поскольку этот последний со временем вытеснил западнорусский язык из употребления. При этом татары, переходившие на службу к русскому царю, пользовались уже собственно русским языком соответствующей эпохи.

До нас дошло значительное число татарских манускриптов, датируемых XVI–XVII вв. Большинство рукописей составляют тексты религиозного содержания, в том числе тафсиры и переводы Корана; литературное наследие литовских татар поистине мультиязычно: среди рукописей представлены памятники на тюркском, персидском, западнорусском и польском языках. Примечательно, что тексты выполнены *арабской графикой*, что вновь роднит их письменную традицию с традицией испанских мусульман. Таким образом, письменные традиции испанских и литовских мусульман положили начало наиболее ранним европейским школам мусульманского перевода Корана и одной из старейших школ перевода Корана на разговорные европейские языки в целом. Рукописи литовских татар представлены в коллекциях библиотек и музеев многих европейских стран, в том числе и России. При этом часть наследия представлена в частных собраниях.

Важнейшей составляющей литературного наследия литовских татар являются рукописи, содержащие оригинальный текст Корана,

снабженный его *подстрочным переводом* на славянский — западнорусский/старобелорусский или польский — язык, а также комментариями на полях. Кроме того, в переводах нередок парафраз, а комментарий зачастую с трудом можно отличить от перевода. Эти особенности объясняются тем, что данные переводы рассматривались не в качестве собственно переводов, а в качестве *тафсиров*. Итак, данные переводы по манере своего исполнения напоминают соответствующие средневековые тюркские (среднеазиатские и анатолийские) или испанские подстрочные переводы-*тафсиры*. Кроме того, в начале и в самом конце татарских тафсиров обычно располагались дополнительные тексты, в которых излагались правила чтения Корана и подготовки к нему, а также молитвы. Согласно описанию, данному одним из исследователей литературного наследия литовских мусульман П. Сутером, «под каждой арабской строчкой находится написанный арабским алфавитом польско-белорусский дословный перевод. Между некоторыми частями польского перевода вставлены комментарии, которые непосредственно не относятся к тексту Корана. Их следует понимать как интерпретирующее дополнение или объяснение. Таким образом, мы встречаем тесное сплетение собственно перевода и интерпретирующих комментариев. Во многих местах их трудно отделить друг от друга, потому что перевод часто не является дословным и механическим, а скорее похож на отвлеченный и парафразирующий комментарий»¹. Также отметим, что тафсиры составлялись литовскими татарами не только на славянских языках, но и на тюркском.

Большинство *тафсиров* не датированы, в связи с чем относительно даты появления самых ранних переводов Корана на западнорусский язык исследователями выдвигались разные гипотезы, однако в современной науке утвердились две близкие друг к другу версии, согласно которым наиболее ранние образцы переводов могут быть датированы либо второй половиной XVI в.², либо концом XVI в. — началом XVII века³. Неизвестными остаются и авторы найденных переводов.

Ученые обратились к изучению наследия литовских татар начиная с середины XIX века⁴. Так, российский историк и востоковед Антон Осипович Мухлинский (1808–1877) явился автором пионерской работы на

¹ Сутер П. Литовско-татарские тефсиры как объект интерференциального исследования // Kipciai tiurku. Orientas Lietuvoje. Istorija ir tyrinr perspektyva. Vilnius, 1994. С. 145.

² Там же.

³ Drozd A., Dziekan M., Majda T. Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich (XVI–XX w.). Zays problematyki // Drozd A., Dziekan M., Majda T. Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Warszawa: Res Publica Multiethnica, 2000. С. 12–38.

⁴ Подробный историографический обзор по данной теме см. в работе: Кулинич Е. Перевод Корана в среде литовских татар: история и перспективы изучения // Четвертые Торчиновские чтения. СПб., 2007. С. 137–145.

В своем исследовании мы опирались как на представленные в данной работе выводы и факты, так и на некоторые другие источники, которые будут указаны ниже.

данную тему под названием «Исследование о происхождении и состоянии литовских татар» (1857)¹. По словам российского ученого «История Великого Княжества Литовского в свое время представляет нам необыкновенное событие. Когда вся Европа вооружилась мечом и ненавистию против мусульман, тогда благоразумная политика государей литовских, с любовью и гостеприимством, приглашала в свои владения татар, которые принуждены были от стечения разных обстоятельств оставлять свою родину, а добровольно переселялись в Литву»². Среди прочего А. О. Мухлинский приводит свидетельство, согласно которому у литовских татар уже в XVI в. использовались переводы Корана и в целом была очень развита книжная, ученая культура³. При этом он приводит образцы татарских переводов Корана как в оригинале, так и с транслитерацией на русский и польский языки⁴.

В следующий раз в науке эта тема будет подробно рассматриваться уже только в советский период. Так, в 1924 г. И. Ю. Крачковский публикует статью, посвященную литовско-татарской рукописи Корана, найденной в Пскове. По словам И. Ю. Крачковского, данная рукопись содержит оригинальный текст Корана с «приписками» на белорусско-польском языке, которые представляют собой перевод текста Корана⁵. Рассмотренная ученым рукопись Корана датируется 1682 г. (или же 1692 г.).

Уже в 1930-х годах переводы Корана литовских татар стали объектом изучения со стороны таких исследователей, как востоковед А. Е. Крымский (1871–1942)⁶ и славист Я. Станкевич (1891–1976)⁷. По мнению А. Е. Крымского, язык переводов является «белорусским»⁸. В 1935 г. польским тюркологом Якобом Шинкевичем была выдвинута гипотеза, согласно которой перевод Корана на славянские языки осуществлялся литовскими татарами не непосредственно с арабского текста, а через язык-посредник, в качестве которого выступил письменный тюркский. К этому выводу он пришел посредством изучения заметок на тюркском языке, содержащихся в рукописях литовско-татарских тафсиров⁹.

¹ Мухлинский А. О. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб.: типография Э. Веймара, 1857.

² Там же С. 3.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 60–64.

⁵ Крачковский И. Ю. Рукопись Корана в Пскове // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения: в 6 т. М.—Л., 1955–1960. Т. I. 1955. С. 162–165.

⁶ Кулинич Е. Перевод Корана в среде литовских татар: история и перспективы изучения // Четвертые Торчиновские чтения. СПб, 2007. С. 140.

⁷ Станкевич Я. Беларускія мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом. Вільня, 1933.

⁸ Кулинич Е. Перевод Корана в среде литовских татар: история и перспективы изучения // Четвертые Торчиновские чтения. С. 140.

⁹ Szykiewicz J. Literatura religijna Tatarów litewskich i jej pochodzenie // Rocznik Tatarski II. S. 138–143.

Особый вклад в изучение переводов Корана литовских татар во второй половине XX в. внес советский ученый, профессор Вильнюсского университета Антон Антонович¹. Он произвел подробный анализ сохранившихся переводов и пришел к выводу, что среди славянских переводов наиболее ранними являются переводы на западнорусский (старобелорусский) язык, а польские переводы могли появиться в позднейший период². Кроме того, на основании компаративного анализа употребления междометий в арабском оригинале и славянском переводе А. Антонович получил косвенные подтверждения гипотезы Я. Шинкевича, однако воздержался от того, чтобы дать окончательный ответ на вопрос о том, на каком именно языке/языках были написаны первоисточники славянских переводов Корана³.

Среди современных ученых следует отметить польского ученого А. Дрозда⁴, который активно занимается поиском и изучением рукописей литовских татар, а также швейцарского ученого П. Сутера, который занимается профильными исследованиями переводов Корана, созданных литовскими татарами. Одним из главных результатов его исследований стала фундаментальная монография по данной теме⁵.

На основании анализа фрагментов переводов суры 20, взятых из среднеазиатских тюркских тафсиров и тафсиров литовских татар, П. Сутер пришел к выводу, что перевод осуществлялся с арабского языка на западнорусский или польский напрямую⁶. При этом он не рассматривал образцы литовских тафсиров, в которых содержатся вышеупомянутые примечания на тюркском языке. Изучение этих памятников могло бы изменить результаты исследования и, напротив, подтвердить результаты проведенных ранее изысканий. Ответ на этот вопрос пока остается открытым.

Нерешенным также остается вопрос относительно собственно языка перевода, а именно являются ли в тех или иных случаях переводы написанными на западнорусском/старобелорусском языке или же на польском. Согласно наиболее раннему исследованию И. Ю. Крачковского, изученный им образец написан на своеобразном идиоме, сочетающем

¹ Кулинич Е. Перевод Корана в среде литовских татар: история и перспективы изучения // Четвертые Торчиновские чтения. С. 140.

² Антонович А. К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс: Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса, кафедра русского языка, 1968. С. 19–20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Drozd A., Dziekan M., Majda T. Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Warszawa: Res Publica Multiethnica, 2000.

⁵ Suter P. Alfurkan Tatarski — Der litauisch-tatarische Koran-Tefsir. Köln, Weimar, Wien: Böhlau-Verlag GmbH, 2004.

См. перевод данной монографии на белорусский язык: Сутер П. Альфуркан татарскі: Карантэфір татараў Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 2009.

⁶ Там же. Р. 126.

в себе черты старобелорусского и польского языков¹. Впоследствии белорусским исследователем Я. Станкевичем язык переводов был обозначен как белорусский², а польским исследователем А. Дроздом — как северо-восточный диалект польского языка³.

В свою очередь, советский исследователь А. Антонович признавал существование переводов Корана как на старобелорусский, так и на польский язык, причем, по его версии, все рассмотренные образцы восходят к единому источнику, который, вероятнее всего, был составлен именно на западнорусском/белорусском языке. Впрочем, А. Антонович подчеркивает гипотетический характер своего исследовательского вывода⁴. С этим выводом первоначально соглашался П. Сутер⁵. Однако впоследствии он изменил свое мнение, указывая на то, что в основе традиции лежал первоисточник на польском языке, и высказывая сомнения относительно первоначального существования тафсира на белорусском языке⁶. В качестве аргумента швейцарский исследователь приводит тот факт, что к настоящему времени так и не было обнаружено искомого перевода-первоисточника на западнорусском языке, а также результаты текстологического анализа соответствующих фрагментов перевода⁷. По сообщению Е. Кулинича, в ходе данного анализа П. Сутер показывает, что подстрочный перевод тождествен фрагментам комментариев, и, соответственно, рассматриваемый перевод коранического текста на западнорусский язык не может служить доказательством существования искомого прототипа⁸. Однако окончательный ответ на данный вопрос до сих пор не может считаться найденным, а его разработка остается одной из важнейших научных задач в рамках исследования по рассматриваемой теме.

В соответствии с критическим анализом текста перевода, проведенным П. Сутером в указанном исследовании 1994 года, было выделено три смысловых пласта славянского перевода коранического текста. Первый слой составляют те фрагменты славянского перевода, которые могут

¹ Крачковский И. Ю. Рукопись Корана в Пскове. С. 162–165.

² Станкевіч Я. Беларускія мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом. Вільня, 1933. С. 7 и далее.

³ Drozd A. Wotywy chrześcijańskie na literaturę, Tatarów w dawnej Rzeczypospolitej // Pamiętnik literacki. Roczn. LXXXVIII. Zeszyt 3. Wrocław, 1997. S. 3–34.

⁴ Антонович А. К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. С. 19–20.

⁵ Сутер П. Литовско-татарские тефсиры как объект интерференциального исследования. Vilnius, 1994. С. 147.

⁶ Сутер П. Существует ли белорусский перевод Корана (тефсир)? // Исламская культура татаро-мусульман Беларуси Литвы и Польши и ее взаимодействие с белоруской и другими культурами. Другая международная научно-практическая конференция. Минск, 19–20 июня 1995. № 4(1). С. 56.

⁷ Кулинич Е. Перевод Корана в среде литовских татар: история и перспективы изучения // Четвертые Торчиновские чтения. С. 142–143.

⁸ Сутер П. Существует ли белорусский перевод Корана (тефсир)? С. 56.

быть взаимно-однозначно (с известными в данной ситуации приближениями) отображены в соответствующие фрагменты арабского оригинала. Второй слой составляют интерполяции, чаще всего представляющие собой имена собственные. Третий слой образован основанным на буквальном переводе парафразом коранических аятов¹.

Помимо собственно текста перевода/парафраза, в рукописях тафсиров встречаются заметки на полях на славянском и тюркском языках. Славянские примечания по-преимуществу призваны объяснить значения тех слов, которые были незнакомы литовским мусульманам, а также поведать об обстоятельствах ниспослания тех или иных сур. Заметки же на тюркском языке почти всегда касаются указаний относительно правил чтения сур, а также, что примечательно, их применения в «магических практиках».

Исследователи высоко оценивают качество переводов Корана, выполненных литовскими татарами. Уровень их исполнения превосходит большинство существовавших в то время переводов Корана. По свидетельству советского востоковеда Владимира Павловича Демидчика (1930–1987), «традиция переводов, судя по установившимся правилам, была достаточно глубокой и хорошо разработанной»². В качестве одного из образцов высококачественного перевода Корана В. П. Демидчик приводит перевод первых аятов суры «Женщины»:

«И, людзи, бойтесь бога вашего, который створив вас из одной души адамовой и из того тела жену ему створив и рассыпав из двух людей мужчин и невест. Бойтесь Бога, который будет спрашивать на судилище своем о родителях и кровных. Того бойтесь — матерей своих, что лежали у животах их. Действительно, пан Бог над ними был пристальным стражем, и не давайте глупым людям сиротского имущества»³.

Приведем для сравнения перевод этих аятов на современный русский язык:

1. О человечество! Бойтесь вашего Господа, Который сотворил вас из одного человека, сотворил из него пару ему и от них обоих рассеял (как семена) множество мужчин и женщин. Бойтесь Аллаха, (именем) Которого вы требуете свои взаимные (права) и проявите заботу о тех, (кто вас родил), ведь Аллах всегда наблюдает за вами.

2. Сиротам отдавайте их имущество (когда они достигнут совершеннолетия) и не меняйте (свое) скверное на (их) хорошее. Не пожирайте их имущества, (смешивая его) со своим собственным. Воистину, это является великим грехом (Коран, 4: 1–2).

¹ Сутер П. Существует ли белорусский перевод Корана (тефсир)? С. 56.

² Демидчик В. П. Памятники белорусской литературы, писанной арабским письмом, и легенда о ночном вознесении Мухаммада // Проблемы арабской культуры. Памяти академика И. Ю. Крачковского. М.: «Наука». ГРВЛ, 1987. С. 245.

³ Там же.

На основании анализа литературных и филологических характеристик старобелорусского перевода исследователь приходит к выводу, что качество его было для своего времени высочайшим: «Известно, что первые русские переводы Корана были сделаны с европейских языков и при этом, по мнению И. Ю. Крачковского, неудачно. Непонятный, запутанный текст, неточные и даже нелепые комментарии характерны для первопечатных русских переводов. Белорусские рукописные переводы Корана отличаются большей ясностью и, безусловно, продуманностью. Это, как правило, подстрочный перевод, без разъяснения метафор, символов и намеков, потому что разъяснения их давались в тафсирах»¹. Если же вспомнить о том, что ранние переводы Корана на русский язык выполнялись на основании французского перевода А. дю Рье, который был создан примерно в тот же период, что и рассматриваемые переводы литовских татар, и от которого ранние русские переводы Корана унаследовали львиную долю своих недостатков, то можно сделать вывод, что переводы литовских татар превосходят практически все известные к тому времени переводы Корана на европейские языки (вплоть до выхода в свет латинского перевода Л. Мараччи в 1698 году). Это обстоятельство также роднит традицию переводов Корана литовских мусульман и соответствующую традицию мусульман испанских, поскольку переводы последних также отличаются высоким качеством исполнения².

Однако вопрос о том, на каких конкретных источниках основывается литовско-татарская традиция коранической литературы, остается открытым, поскольку в настоящий момент исследователям не известны ни первоисточники перевода, ни конкретные тафсиры, которые использовались при подготовке интерполяций и комментариев.

Тем не менее является научно установленным фактом то, что на протяжении нескольких столетий в восточноевропейском интеллектуальном пространстве существовала развитая традиция переводов Корана на различные письменные славянские языки и диалекты. По мере расширения Русского царства и Российской империи земли с многочисленным мусульманским населением включались в состав страны, а мусульмане, в том числе литовские татары, активно переходили на службу к русскому царю. Этот ключевой геополитический и культурный поворот послужил важнейшим фактором развития восточноевропейской традиции перевода Корана на славянские языки уже в контексте Российского государства и русского языка.

¹ Демидчик В. П. Памятники белорусской литературы, писанной арабским письмом, и легенда о ночном вознесении Мухаммада // Проблемы арабской культуры. Памяти академика И. Ю. Крачковского. М.: «Наука». ГРВЛ, 1987. С. 246.

² Мухетдинов Д. В. История традиции перевода Корана на испанский язык в XV–XX вв. в контексте процесса становления мультирелигиозной испанской идентичности // Ислам в современном мире. 2021. Т. 17. № 1. С. 27–58.

Традиция переводов Корана на русский язык в XVI–XVIII вв.: от фрагментарных рукописных парафразов к полным печатным переводам

Известно, что возникновение традиции переводов Корана на русский язык обычно датируется первыми десятилетиями XVIII вв. — именно тогда были созданы первые полные переводы Корана на современный русский язык. Как будет подробно показано далее, эти переводы появились в двойном социокультурном контексте.

С одной стороны — в контексте истории европейской традиции переводов, которая к тому времени была уже весьма развитой. Напомним, что центральной интенцией развития этой традиции, этой парадигмы перевода была *полемика* с исламом. При этом европейская традиция взяла на вооружение развивающийся *научный метод*, который, как это показывает уже перевод Роберта Кеттонского, был в значительной степени почерпнут у арабо-мусульманской филологическо-экзегетической мысли, а затем, в эпоху Возрождения и Нового времени, в значительной степени видоизменен ввиду зарождения западной науки, в т. ч. и гуманитарной¹.

С другой стороны, как уже отмечалось выше, Российское государство включило в себя многие земли, на которых исторически проживали мусульманские народы. В отличие от государств Западной Европы, великий князь московский, а затем русские цари и императоры правили страной, населенной не только христианскими, но и мусульманскими подданными. Таким образом, перевод Корана на русский язык изначально являлся вопросом не столько *полемике*, сколько выстраивания грамотной и взвешенной внутренней политики, которая была бы способна сохранить и приумножить межэтническое и межрелигиозное согласие в многонациональном государстве. Особенно ярко это проявилось в период, начиная с правления императрицы Екатерины II, когда российскими мусульманами был издан первый высококачественный печатный Коран и когда, в рамках проводимой политики веротерпимости, в свет вышли высококачественные переводы Корана на русский язык.

Вместе с тем имеющиеся научные и документальные сведения позволяют говорить о том, что эти процессы имели место и в период, предшествовавший XVIII веку. Например, параллельно с традицией перевода Корана, развиваемой литовскими татарами, развивалась также

¹ Подробнее о научном и полемическом векторе развития европейской традиции переводов Корана см. подробнее в нашем исследовании: Мухетдинов Д. В. Трансформация парадигмы перевода Корана на латинский язык: между полемикой и наукой // Ислам в современном мире. 2020. Т. 16. № 4. С. 27–50.

и традиция перевода Корана на письменный русский язык, использовавшийся канцелярией Русского царства. Отдельные фрагменты этих переводов, дошедшие до наших дней, датируются серединой XVI в. — XVII в., что в принципе позволяет говорить о многовековой, почти пятисотлетней истории переводов Корана на русский язык.

Одно из самых ранних свидетельств изучения Корана и ислама в русскоязычном пространстве представлено в литературном и научном наследии русского князя Андрея Курбского (1528–1583), эмигрировавшего в 1564 г. на территорию Великого княжества Литовского. Как писал И. Ю. Крачковский, князь Андрей Курбский питал «достаточно глубокий теоретический интерес»¹ к Корану и исламу. В частности, под руководством князя Курбского был переведен труд христианского богослова Иоанна Дамаскина «Беседа сарацина с христианином», содержащий прямую цитату из Корана — аят 4: 171. Однако данный перевод так и не был опубликован².

Кроме того, в «Третьем послании князю Константину Острожскому» князь Курбский упоминает Коран, демонстрируя свою осведомленность относительно содержания Корана и вероучения ислама:

«...бо и Магмет во алкоране не таковых о Христе и о Рождшей его хуление не полагает, но сполу неяка исповедует»³.

В переводе А. А. Цехановича на современный русский язык:

«...даже у Магомета в Коране не найти подобных ругательств на Христа и Богородицу, которых он наполовину признает»⁴.

Эти и другие подобного рода ссылки на Коран в восточнославянской литературе данного периода также преимущественно относятся к историям Исы и Марьям. Этот факт объясняется тем, что христианские апологеты в первую очередь были заинтересованы в отображении в Коране тех тем, которые являются центральными в христианстве⁵.

Кроме того, как уже отмечалось, в этот период многие литовские татары переходят на службу к царю Ивану IV. Можно предположить, что с собой они принесли и книги, в т. ч. переводы Корана. В пользу этого, в частности, свидетельствует опись архива Посольского приказа, составленная в 1560 г., где упоминается «Куран татарский, на чом

¹ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения: в 6 т. М. — Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955–1960. Т. V. 1958. С. 27.

² Weiher E. Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie im Kirchengriechischen // Anzeiger für slavische Philologie. Graz, 1972. Bd. 6. S. 141.

³ Rozemond K. Kurbsky's Translation of the Works of St. John of Damascus // StPatr. 1966. Vol. 9. P. 590 и далее.

⁴ Курбский А. Третье послание князю Константину Острожскому // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Т. 11: XVI век. СПб.: Наука, 2001. Электронный ресурс: URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9876> (дата обращения: 02.09.2021).

⁵ Там же.

⁶ Якубович М. Переводы Корана на украинский язык: краткая история. С. 47.

приводят татар к шерти [т. е. «присяге». — Д. М.]»¹². За упоминанием следует приписка следующего содержания: «78-го (=1570) мая взял Куран ко Государю Петр Григорьев»³. Таким образом, в XVI в. Коран активно использовался в государственных делах, в т. ч. при заключении дипломатических соглашений⁴. В связи с этим появляются первые переводы фрагментов Корана на русский язык. Так, одним из наиболее ранних примеров прямого перевода фрагмента Корана на письменный русский язык Русского царства, вероятнее всего, выступает грамота султана Селима II, адресованная Ивану IV и доставленная в Москву в декабре 1572 года. В заголовке этой грамоты содержатся следующие строки:

«Государь един Бог, ни от кого родился, ни от него не родился никто, и товарища ему нет, никто на него не походит»⁵.

Очевидно, что данный текст является переводом 112-й суры Корана «Очищение веры» на русский язык и, по всей видимости, древнейшим образцом Корана на русском языке. См. перевод суры на современный русский язык:

1. Скажи: «Он — Аллах Единственный, Единый.
2. Аллах — Вечный, Абсолют.
3. Не родил Он и не был рожден,
4. и нет подобного равного Ему. (Коран, 112: 1–4).

Мы видим, что, несмотря на неизбежные в данном случае неточности, приведенный перевод XVI в. выполнен на высоком для своего времени уровне, поскольку в рассматриваемую эпоху всякий перевод фрагмента Корана, особенно целой суры, на живой европейский язык оставался уникальным, знаковым событием. Соответственно, недостатки перевода в данном контексте меркнут по сравнению с его достоинствами. Этот пример не является уникальным — в собрании Российского государственного архива древних актов (РГАДА) сохранился один из старинных списков Корана, использовавшийся для приведения к присяге мусульман. В рукописи имеется вклейка с текстом, выполненным московской скорописью, датируемой XVII — началом XVIII в. При этом текст перевода айата выполнен чернилами золотого цвета. Текст вклейки гласит:

«В Куране на сей статье шертовать пристойно, а с той статьи перевод: Глава 15 О Пчеле именуемо(й) арапсю Аджиль Все аще по Бозе обещастеся исполняйте, и ничтоже противу клятвы своя да сотворите.

¹ Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции: в 3 ч. / подгот. текста и коммент. А. А. Зимина; под ред. академика Л. В. Черепнина. М.: Институт истории СССР, 1978. Ч. 1. С. 93.

² Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции. Ч. 3. С. 506.

³ Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции. Ч. 1. С. 93.

⁴ Зайцев И. Из истории перевода Корана на русский язык в XVI–XVII вв.: первый перевод суры «Очищение веры» // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 2. С. 81–92.

⁵ РГАДА. Ф. 89 («Сношения с Турцией»). Оп. 1. Д. 2. Л. 224–227.

Убо Бога призвасте во свидетельство своего обещания, весть бо вся вами творимое»¹.

Что же касается более объемных источников, в которых коранический текст отразился на русском языке в более полном виде, то относительно периода XVI–XVII вв. должен быть упомянут перевод на русский язык сочинения знаменитого украинского православного церковного и общественного деятеля Иоанникия Галятовского (1620–1688) под названием «*Alkoran Machometow, nauka heretycką y żydowską y pogańską napełniony, od Koheletha Chrystusowego rozproszony y zgromadzony*» («Алкоран Магомета, наукой еретической, иудейской и языческой наполненный, Когелетом² Христовым разоблаченный и низвергнутый»), которое было издано в 1683 г. в Чернигове. Сочинение было написано на польском языке и посвящено царям-соправителям России Ивану и Петру Алексеевичам. Данное издание, однако, вопреки своему заглавию, является не Кораном или его переводом, а полемическим сочинением, написанным в форме диалога. Основной пафос сочинения обусловлен предсказыванием покорения Османской империи Русским царством и последующим обращением мусульман в христианство.

По выражению российского корановеда Е. Резвана, «Алкоран» не содержит в себе ни одной цитаты из собственно Корана³. Вместе с тем в работе имеются обширные пересказы фрагментов Корана и весьма точное для своего времени изложение основ вероучения ислама. Украинский корановед и автор перевода Корана на украинский язык М. Якубович сообщает о том, что подлинная цитата из Корана на староукраинском языке, а именно аят 45 суры 3, встречается в другом сочинении И. Галятовского под названием «Небо новое новыми звездами», изданном во Львове в 1665 году⁴.

В январе 1683 года два экземпляра работы «Алкоран» были отправлены И. Галятовским в Москву, куда они прибыли уже в августе 1683 года. Посольский приказ, которым тогда руководил князь В. В. Голицын, получил задание выполнить срочный перевод данного труда на русский язык⁵. Автором перевода выступил львовский шляхтич Стефан (Степан) Федорович Чижинский (ум. 1709), служивший в московском Посольском

¹ Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов / сост. Д. А. Морозов. М.: Древлехранилище, 1996. С. 22.

² Древнееврейское слово *кохелет* (קָהֵלֶת), вошедшее и в христианский лексикон (чаще через перевод на греческий язык слова ἐκκλησιαστής — еkkлeсиаст), означает «проповедник», а в данном случае — «защитник христовой веры».

³ Резван Е. Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 389.

⁴ Якубович М. Переводы Корана на украинский язык: краткая история // Rocznik Tatarow Polskich. Seria 2. T. V (XIX). 2018. С. 46–47.

⁵ Waugh D. C. Ioannikii Galiatovs'kyi's Polemics against Islam and Their Muscovite Translations // Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on His Sixtieth Birthday by His Colleagues and Students. Part 2. Cambridge, MA 1980 (Harvard Ukrainian Studies. Vol. 3. No. 4. 1979–1980). Pp. 909–910.

приказе переводчиком с латинского, польского и белорусского языков¹. О его работе над переводом, выполненным в год издания первоисточника, известно из сохранившейся челобитной, адресованной московскому государю и датируемой сентябрем того же года: «...а ныне, государь, перевел я с латинского Эзопа книгу, да книгу полскую Алкоран, да часть книги полской Коньституции»².

Впоследствии перевод был отредактирован переводчиком Посольского приказа уроженцем Вильны Стахией Ивановичем Гадзаловским³; работа выполнена в период до 1687 года⁴. Ранее первый перевод 1683 г. считался анонимным, однако новейшие исследования позволяют заключить, что автором его следует признать именно С. Ф. Чижинского⁵. Аргументом в пользу этого является совпадение названий и датировок: «Алкоран (челобитная 1683 г.), Алкоранъ Махметовъ (опись имущества Голицына), Alkoran Machometów (издание 1683 г.) при верном указании на польский язык оригинала (челобитная и опись) и его печатный характер (опись)»⁶.

Вышеприведенные сведения дают основание говорить о том, что в XVI–XVII вв. в Российском государстве происходила постепенная рецепция Корана. Среди прочего это проявилось не только в переводе прямых цитат из него, но и в различных парафразах. Указанные процессы свидетельствовали о растущей необходимости в переводе Корана на русский язык. Это привело к тому, что уже в период правления Петра I, в конце XVII — начале XVIII в., был создан первый полный перевод Корана на русский язык. Речь идет о переводе, опубликованном в 1716 г. по распоряжению императора в Санкт-Петербурге и озаглавленном как «Алкоран о Магомете или Закон турецкий»⁷.

Долгое время считалось, что автором данного перевода является молдавский и российский государственный деятель и ученый Дмитрий Кантемир (1673–1723) — ближайший сподвижник императора Петра I. Дмитрий Кантемир был виднейшим интеллектуалом Восточной Европы того времени, знаменитым востоковедом, много лет прожившим в Константинополе, знатоком языков и словесности. Одним из его важнейших трудов

¹ Буланин Д. М. Николаев С. И. Чижинский Степан Федорович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII век. Ч. 4. СПб., 2004. С. 229–232.

² Лукичев М. П. Новые архивные документы о жизни и творчестве переводчика XVII в. С. Ф. Чижинского // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей. М., 1997. С. 46.

³ Белоброва О. А. Гадзаловский (Гадзяловский) Стахий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII век. Ч. 1 / под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 1992. С. 191.

⁴ Waugh D. C. Ioannikii Galiatovs'kyi's Polemics against Islam and Their Muscovite Translations. Рр. 908–919.

⁵ Temčinas S. Какой польский печатный Коран перевел в московском Посольском приказе С. Ф. Чижинский в 1683 году: К рецепции произведений Иоанникия Галятковского // Tatarskie dziedzictwo kulturowe. Historia. Literatura. Sztuka. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2018. С. 67–76.

⁶ Ibid. С. 71.

⁷ Алкоран о Магомете или Закон турецкий: Переведенный с французского языка на российский. СПб., 1716.

является работа «Книга Систима, или О состоянии мухаммеданской религии»¹, в основе которой лежало сочинение Д. Кантемира под названием «Coranus» («Коран»), написанное на латинском языке². Вероятно, по этой причине Д. Кантемир и считался первым переводчиком Корана на русский язык. На самом же деле данная работа повествует только о содержании Корана, а также приводит множество сведений о вероучении ислама. Она была предназначена для просвещения зарождавшегося класса российских интеллектуалов относительно вопросов, касающихся ислама, который в ту пору был им еще недостаточно известен. По этой причине Д. Кантемир, с огромным интересом и уважением относившийся к культуре ислама, был вынужден резко и жестко обозначить свою «антиисламскую позицию», поскольку читатель не должен был и помыслить о том, что автор работы исповедует излагаемое им учение — в противном случае книга не была бы воспринята интеллектуальной элитой российского общества. При этом, несмотря на декларативную «антиисламскую» позицию, работа практически не содержала негативных выпадов в адрес ислама, о чем свидетельствует предисловие к ней:

«...Соизволил Его Императорское Величество и мне (яко к важнейшим или пером или мечом управляемым делам, по достоинству мне способному) рабу своему поручити, да бых о Мухаммеданской Религии, и о Политическом Муслиманского народа правлении, некое книжным стилем и просторечием издание, яко же у оных Варварских народов, повествуется и веруется, без притворства, без порицания, без приложениия, и без всякаго умаления на свет произвел, да познает и узрит православныи Империи сея народ...»³

При сравнении подхода к изучению ислама, принятого в первой половине XVIII в. в среде российских исследователей, с таковым у западноевропейских ученых, становится очевидной коренная разница между тем и другим. Это объясняется причинами, которые были приведены выше.

Что касается версии о том, что Д. Кантемир является автором перевода Корана на русский язык, опубликованного в 1716 г. в Санкт-Петербурге, то она была опровергнута находкой известного историка, академика П. Пекарского (1827–1872). В начале 60-х гг. в Московском архиве иностранных дел им была найдена рукопись перевода Корана. При ее изучении было установлено, что ее текст полностью соответствует таковому изданию 1716 года. Данная рукопись содержала указание авторства: «переводил сию книгу Пётр Постников»⁴.

¹ Кантемир Д. Книга Систима, или О состоянии мухаммеданския религии. СПб., 1722.

² РГАДА, ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД), оп. 15, ед. хр. 1325.

³ Кантемир Д. Книга Систима, или О состоянии мухаммеданской религии. СПб., 1722. С. 8.

⁴ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. СПб., 1862. Т. 2. С. 370.

Изложим некоторые факты биографии П. Постникова, поскольку они, с одной стороны, интересны с точки зрения изучения истории исламоведения в России, а с другой — важны для понимания контекста становления традиции переводов Корана на русский язык¹.

К сожалению, дошедшие до нас сведения о Петре Постникове очень отрывочны, что не позволяет установить точные даты его рождения и смерти. Известно, что семья Постниковых на протяжении жизни нескольких поколений находилась на дипломатической службе. Отцом Петра был дьяк Посольского приказа Василий Постников — видный государственный деятель, дипломат. Среди прочего, участвовал в заключении «вечного мира» с Речью Посполитой 1686 года и подписании Нерчинского договора с империей Цин в 1689 году.

Потому неудивительно, что в 1685 г. Пётр Постников поступил в Славяно-греко-латинскую академию — ведущее учебное заведение Восточной Европы. П. Постников достиг значительных успехов на образовательном поприще. Так, ему была дарована особая честь — на Рождество и Пасху произнести поздравительные речи на латинском и греческом языках перед патриархами Иоакимом и Адрианом. После окончания Славяно-греко-латинской академии, спустя 6 лет, в 1691 г., П. Постников был определен на службу при дворе, однако очень скоро, весной 1692 г., он был «по именному великого Государя указу отпущен с Москвы в Венецию для совершения свободных наук в Потавинскую Академию» (т. е. в Падуанский университет)² — одно из лидирующих учебных заведений Европы того времени. В 1694 г. Петру Постникову была присуждена учёная степень доктора философии и медицины: «9 (19) августа 1694 г. Постников был возведен в степень доктора медицины и философии с правом преподавать эти науки и удостаивать ученых степеней»³. В выданном ему дипломе значилось, что русский ученый обладал недюжинными дарованиями, отличился примерным поведением и успехами в освоении наук⁴. Таким образом, автор первого перевода Корана на русский язык является также одним из первых российских подданных, получивших высшее образование в Европе,

¹ При изложении биографических сведений о П. Постникове мы опирались на данные, приведенные в следующих работах: *Халев Н. В.* Постников (Петр Васильевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIVa. СПб., 1898. С. 710; *Шмурло Е.* Постников: Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894; *Цветаев Д. В.* Медики Московской России и первый русский доктор: Историко-биографический очерк. Варшава, 1896; *Богословский М. М.* Русское общество и наука при Петре Великом. Л., 1926; *Родюков М. В.* Новые источники о первом русском докторе медицины П. В. Постникове // Археографический ежегодник за 1985 год. М.: Наука, 1986; *Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г.* Коран в России: переводы и переводчики // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 82–96; *Густерин П. В.* Первый переводчик и первое издание Корана на русском языке // Исламоведение. 2011. № 1. С. 84–92.

² *Халев Н. В.* Постников (Петр Васильевич). С. 710.

³ *Цветаев Д. В.* Медики Московской России и первый русский доктор: историко-биографический очерк. С. 25.

⁴ *Халев Н. В.* Постников (Петр Васильевич). С. 710.

а также одним из первых дипломированных врачей и дипломированных преподавателей медицины и философии в стране (за исключением приглашенных медиков).

Однако на этом П. Постников не прекратил свое образование. Напротив, в том же году он направляется в Париж, а по пути проезжает через Брюссель, Амстердам и Лейден, посещая при этом лекции в местных университетах, библиотеки и анатомические театры. Помимо естественно-научных знаний, П. Постников имел и внушительную гуманитарную подготовку, свободно владел как минимум четырьмя иностранными языками: древнегреческим, латынью, итальянским и французским.

Несмотря на интерес к профессии медика и приобретенные им значительные познания в этой области, П. Постников так и не смог посвятить себя медицине в полной мере. В 1697 г. его, как человека, блестяще владеющего иностранными языками и хорошо знакомого с западноевропейской жизнью, определили на службу в Посольский приказ. Он был отправлен с посольством за границу, где пробыл около 7 лет, посетив Австрию, Голландию, Англию, Италию и Францию, выполняя при этом различные поручения русского полномочного посла¹. Так, он осуществлял закупку лекарственных средств в Голландии, посещал учебные заведения Англии, осуществлял отбор венецианских корабельщиков для приглашения их на русскую службу. При этом его роль не ограничивалась гуманитарной активностью. П. Постников также занимался промышленным и военным шпионажем: выведывал состав венецианской смеси для зажигательных бомб, конструкцию иностранных военных кораблей и их вооружение, а также изучал общее состояние военно-морского флота европейских государств.

Как свидетельствует биограф П. Постникова Д. В. Цветаев, «жизнь и деятельность первого нашего доктора выпала на такую пору, когда количество специально подготовленных лиц было слишком мало в сравнении с количеством открывшихся дел... И медик по профессии неумолимо превращается, соответственно с неотложными государственными потребностями, в дипломатического помощника, в агента, в переводчика»².

По завершении посольства П. Постникову было не суждено оставить дипломатическую работу. В 1698–1699 гг. в Карловцах проходил международный конгресс по заключению мирного договора между Османской империей и «Священной лигой», куда входили Россия, Австрия, Венеция и Польша. П. Постникову было приказано выступить в качестве

¹ Халаяев Н. В. Постников (Петр Васильевич). С. 710.

² Цветаев Д. В. Медики Московской России и первый русский доктор: историко-биографический очерк. С. 37.

секретаря и переводчика. Сохранилась переписка между П. Постниковым и русским дипломатом, князем П. Б. Возницыным (ум. 1702), из которой мы узнаем, что молодой ученый испрашивал разрешения отправиться в Неаполь для продолжения своих занятий наукой и получил от графа такой ответ: не время «живых собак мертвить, а мёртвых живить», поскольку без человека со знанием иностранных языков «дела делать будет некем»¹. Лишь после окончания конгресса П. Постникову было разрешено продолжить изучение наук. В период с 1699 по 1701 г. он жил в таких европейских государствах, как Голландия, Англия и Франция, успешно совмещая изучение медицины с дипломатической работой.

В 1701 г. он наконец возвратился в Россию, где ему была устроена почетная встреча (аналогичная тем, что устраивались видным иностранным докторам) и получил должность доктора при Аптекарском приказе со значительным для того времени жалованьем — 500 рублей. Помимо врачебной деятельности, в его обязанности входило переводить «в посольском приказе, как случатся, латинские, французские, итальянские нужные письма»².

Однако уже в следующем году П. Постников был снова отправлен за границу, в Париж, где он в течение почти 9 лет служил дипломатическим агентом, а также составителем известий о текущих делах в России для французского министра иностранных дел. Кроме того, известно, что в этот период среди прочего он занимался наймом на русскую службу докторов, садовников для царских садов, закупкой лекарств, а также множества книг: по «военно-сухопутному и морскому делу, технике, хозяйству, обычаям общежития, а более всего по международным, гражданским, воинским и церковным «правам и уложениям окрестных государств»»³. Окончательно возвратившись в Россию в 1710 году, Постников поступил на службу переводчиком в Посольский приказ. Дальнейшая его судьба неизвестна; возможно, вскоре он умер.

Среди книг, приобретенных П. Постниковым в Европе, был и перевод Корана на французский язык за авторством А. дю Рье, подробно рассмотренный нами выше. Именно с него и был выполнен первый перевод Корана на русский язык. Он был издан в 1716 г. в Санкт-Петербурге в типографии Священного Синода под заглавием «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий, переведенный с французского языка на российский. Напечатан повелением Царского Величества в Санктпетербургской типографии 1716 году, в месяце Декамврии». Текст перевода предваряет небольшое вступление «К читателю», занимающее три четверти страницы

¹ Шмурло Е. Постников: Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894. С. 33.

² Халеев Н. В. Постников (Петр Васильевич). С. 710.

³ Там же.

и находящееся на обороте титульного листа (титульный лист отсутствует в большинстве экземпляров перевода, см. далее), а также краткое сочинение «О вере турецкой»¹, которое, очевидно, является переводом работы под названием «*Sommaire de la religion des turcs*» за авторством А. дю Рье, и считается первым западным сочинением об исламе, изданным на русском языке. Издание перевода П. Постникова насчитывает 350 страниц, из которых собственно перевод занимает 348 страниц².

П. Пекарский отзываясь об этой работе следующим образом: «Что же касается до перевода Постникова, то он сделан без пропусков; замечна только неловкость переводчика при передаче некоторых французских слов и оборотов, что уже видно из заглавия; «*Alcoran de Mahomet*» вышел в русском переводе «Алкоран о Магомете», следовательно, частица *de* принята не в смысле члена для означения родительного падежа, но как предлог *de*»³.

Историк и библиограф Я. Ф. Березин-Ширияев (1824–1898) приводит ценные сведения о судьбе этого издания:

«В “Опыте” Сопикова, ч. 2, под № 1926 помещено следующее заглавие этой книги: “Алкоран о Магомете, или Закон Турецкий, пер. с франц. Князем Д. Кантемиром. СПб. 1716 г. в л.”. В описании книг графа А. Толстого, составленном Строевым и изданном в 1829 году, на стр. 522, напечатано: “Алкоран о Магомете, пер. с франц. Кн. Д. Кантемира. Заглавный лист утрачен; напечатан в СПб. в 1716 году”»⁴. Помимо этого Я. Ф. Березин-Ширияев сообщает о том, что в Рописи Академии наук, датированной 40-м г. XVIII в., также значится, что у книги отсутствует титульный лист. Не было титульного листа и у экземпляра из Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге. Это обстоятельство, скорее всего, объясняется тем, что титульный лист был уничтожен вместе с предисловием «К читателю» по приказу Петра I, поскольку оно было оскорбительным для мусульман⁵.

Несмотря на ошибочный перевод заглавия, в целом текст перевода соответствует французскому оригиналу и выполнен на достойном уровне. Недостатки русского перевода объясняются тем, что П. Постников был не ученым-востоковедом, а врачом и дипломатом. Незнание П. Постниковым исторического и религиозного контекста приводило подчас к курьезам: так, в повествовании о ночном переносе пророка Мухаммада говорится о некоем чудесном животном «Бюрабланке», тогда как

¹ В рукописи сочинение озаглавлено «Краткое предисловие о вере Турецкой». См. рукопись: РГАДА. Ф. 181. Оп. 1 (ч. 1). Ед. хр. 148/217. Л. 3 об.

² Густерин П. В. Первый переводчик и первое издание Корана на русском языке // Исламоведение. 2011. № 1. С. 86.

³ Пекарский П. Наука и литература при Петре Великом. Т. II. С. 370.

⁴ Густерин П. В. Первый переводчик и первое издание Корана на русском языке // Исламоведение. 2011. № 1. С. 86.

⁵ Там же.

речь идет о Бурাকে¹. Кроме того, и сам французский перевод А. дю Рье во многих отношениях является неточным, ввиду чего надежность первого русского перевода по отношению к арабскому оригиналу с современной точки зрения также считается низкой.

Как уже отмечалось, имеются все основания полагать, что перевод Корана был осуществлен задолго до его издания². В пользу этого свидетельствует отсутствие информации о П. Постникове после его прибытия в Россию, а также то, что для перевода Корана им был избран именно перевод А. дю Рье, хотя в 1698 г., и именно в Падуге (!), был издан перевод Корана Л. Мараччи, который по своим характеристикам значительно превосходил перевод А. дю Рье. По всей видимости, работа над ним началась до 1698 г., и, возможно, к этому времени перевод был уже завершен. Об этом говорит и то, что работа над переводом, скорее всего, была вызвана не научным интересом, а политической необходимостью — участием российской делегации в вышеупомянутом Карловицком конгрессе 1698 года. Русским дипломатам требовалось иметь степень осведомленности об османах не меньшую, чем у европейских партнеров, дабы быть в состоянии приводить цитаты из Корана в качестве аргументов, а также уметь произвести на участников обсуждения общее положительное впечатление. Возможно, именно перевод П. Постникова использовался при заключении Константинопольского мирного договора с Османской империей в 1700 году³. Кроме того, не исключено, что издание перевода П. Постникова (как и труда Д. Кантемира), так же как и изъятие из него оскорбительного предисловия, является следствием подготовки Петром I Персидского похода (1722–1723), в результате которого к Российской империи были присоединены земли со значительным мусульманским населением⁴.

Примечательно, что перевод П. Постникова не является единственным переводом, выполненным в эпоху правления Петра I. Так, в 1913 г. известный историк В. Срезневский (1849–1937) обнаружил в Северной коллекции Рукописного отдела Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге рукопись под заглавием «Алкоран, или Закон магометанский. Переведённый с арапского на французский язык через господина дю Рие». Происхождение и авторство этой рукописи до сих пор неизвестны, однако палеографический анализ позволяет приблизительно датировать рукопись первой четвертью XVIII века⁵.

¹ Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Коран в России: переводы и переводчики // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 86.

² Густерин П.В. Первый переводчик и первое издание Корана на русском языке // Исламоведение. 2011. № 1. С. 87.

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 88.

⁵ Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Коран в России: переводы и переводчики // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 86.

Рукопись состоит из перевода предуведомления «К читателю», «Краткого предисловия о вере турецкой», а также собственно перевода двадцати сур Корана под заглавием «Закон Магометанский»¹. По свидетельству И. Крачковского, сравнившего между собой все переводы Корана на русский язык, выполненные с издания А. дю Рье, данный перевод является более качественным, нежели перевод П. Постникова, и его можно назвать «промежуточным эволюционным звеном» между переводами П. Постникова и М. Веревкина (1790 г.)².

Факт обнаружения анонимной рукописи особенно ценен тем, что служит убедительным доказательством неслучайного характера появления перевода П. Постникова; напротив, за этим событием стоит стойкий интерес элиты российского общества к религии своих соседей и, что еще более важно, своих многочисленных мусульманских подданных.

Следующие в хронологическом отношении переводы Корана вышли в свет в период правления императрицы Екатерины II, которая стремилась проводить веротерпимую политику. В рамках этой политики, помимо высококачественного издания Корана на арабском языке в 1787 г., в свет вышло также два его перевода на русский язык — в 1790 и 1792 гг., поскольку переводы, выполненные в первой половине XVIII в., к тому времени перестали быть доступными.

Наиболее популярный из двух указанных переводов, изданный в 1790 г., принадлежит перу литератора и переводчика Михаила Ивановича Веревкина (1732–1795). Перевод был издан под заглавием «Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих. Перевод с Аравскаго на Французский язык Андрея дю-Рюэра-де-ла-Гард Малезера»³.

Несмотря на то, что в заглавии перевода специально подчеркивается, будто составители не признают Коран Священным Писанием, а Мухаммада — Пророком, тем не менее в соответствии с самыми прогрессивными гуманитарными тенденциями эпохи, и даже во многом значительно предвосхищая их, издание выполнено в духе подчеркнутой веротерпимости и инклюзивности. Об этом красноречиво свидетельствует цитата из «Жалованной грамоты»⁴ императрицы

¹ Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Коран в России: переводы и переводчики // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 86.

² Крачковский И. Ю. Русский перевод Корана в рукописи XVIII в. // Избранные сочинения: в 6 т. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1955–1960. Т. 1. 1955. С. 175–181.

³ Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих: Перевод с аравского на французский язык Андрея дю-Рюэра-да-ла-Гард-Малезера <...> Печатана в Амстердаме и Лейпциге в 1770 году, по-русийски же переложена, Московского наместничества, Клинской округи, в сельце Михалеве. СПб., 1790. Ч. 1–2.

⁴ Имеется в виду *Грамота на права и выгоды городам Российской империи*, утвержденная 21 апреля и напечатанная 24 апреля 1785 г. См.: *Екатерина II. Грамота на права и выгоды городам*

Екатерины II, размещенная на оборотной стороне титульного листа данного издания:

«Да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего различными языками по закону и исповеданию праотцов своих, благословляя Царствование НАШЕ и моля Творца Вселенной об умножении благоденствия и укреплению силы Империи Всероссийской»¹.

Немаловажной деталью, свидетельствующей об общей настроенности издания, явилось и то, что в него не был включен перевод оригинального французского предисловия под заглавием «К читателю», которое, возможно, как раз в силу своего оскорбительного характера было изъято еще из перевода Корана 1716 года.

Приведем краткие сведения о жизненном пути М. Веревкина и обстоятельствах создания перевода². Отец переводчика И. Веревкин был флигель-адъютантом Петра I и служил в Преображенском полку. Вышел в отставку в 1728 г. в чине капитана. Сам М. Веревкин получил образование в Сухопутном шляхетском, а затем в Морском корпусе в Санкт-Петербурге, позже проходил службу на Балтийском флоте. Именно во время службы он впервые обратился к переводческому делу — первым переводом М. Веревкина было французское сочинение «Сказание о мореплавании: Как оно началось и возматало; какия время от времени приносило пользы; как находимы были, помощью онаго, неизвестныя до того места земли». Вероятно, что также во время службы на флоте он перевел французский трактат по морской тематике «Фарватеры, мели, надводные и подводные камни, буруны, якорные места, приливы, отливы морские на всей поверхности земной», а также труд «Универсальная история» — с немецкого языка.

В 1755 г., после учреждения Московского университета, он ушел в отставку с морской службы и был назначен одним из помощников куратора университета И. И. Шувалова. После этого в 1758 г. 26-летний М. Веревкин стал первым директором казанской гимназии, которой он успешно руководил на протяжении нескольких лет. Среди первых четырнадцати учеников этой гимназии был будущий великий русский поэт

Российской империи // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXII, 1784–1788. № 16187. С. 358–384.

¹ Книга Аль-Коран аравлянина Магомета... См. титульный лист *recto*. Цитата снабжена следующей ссылкой, расположенной ниже: Жалованная грамоты, состоявшейся 1785 апреля в 24 день, напечатанной в Санкт-Петербурге при Сенате, пункт 124.

² Сведения даются по следующим работам:

Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Коран в России: переводы и переводчики // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 88–91.

Туников Н. Михаил Иванович Веревкин: Историко-литературный очерк. СПб., 1895.

Мазеев М. Н. Веревкин (Михаил Иванович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VI. СПб., 1892. С. 20.

Густерин П. В. Первый переводчик и первое издание Корана на русском языке // Исламоведение. 2011. № 1. С. 84–92.

Г. Р. Державин. М. Веревкин сделал очень много для развития гимназии, которая поначалу находилась в бедственном материальном и техническом положении. Примечательно, что в 1759 г. он хотел инициировать преподавание в стенах гимназии татарского языка, однако этот замысел удалось воплотить в жизнь позднее, а именно после издания указа Екатерины II об учреждении в рамках Казанской гимназии специального «татарского класса»¹. Впоследствии эта инициатива сыграла важную роль в развитии российского востоковедения².

В 1763 г. М. Верёвкин получил должность переводчика зарубежных изданий при кабинете Екатерины II. В 1773–1775 гг. он по собственной инициативе участвовал в подавлении восстания Е. Пугачева и, занимая должность начальника канцелярии, принимал участие в «опасных проездах»³. С 1776 г. М. Верёвкин находился на государственной службе в Новгородской и Тверской губерниях, при этом не прекращая заниматься литературной и просветительской деятельностью. Затем, после выхода в отставку в чине действительного статского советника в 1781 г., он полностью посвятил себя литературной, научной и просветительской деятельности и, кроме того, в 1782 г. был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, а уже в 1785 г. — ее действительным членом. Среди важнейших научных достижений М. Веревкина следует назвать его участие в составлении «Толкового словаря русского языка» 1789–1794 гг., в рамках которого им была написана филологическая работа «Опыт выбора нарочитых словенских слов из Священного Писания». В ней он произвел сравнительный анализ русской библейской терминологии с латинской, немецкой и французской. Данная работа свидетельствует о том, что деятельность М. Веревкина в Академии наук была весьма активной и заметной, за что ему было даже назначено вознаграждение — 200 рублей в год⁴. Кроме того, широкой популярностью пользовались поэтические и драматические произведения Верёвкина⁵.

Однако наибольшее значение для интеллектуальной жизни Российской империи имела переводческая деятельность М. Веревкина. Переводы Верёвкина играли важную просветительскую роль⁶. Они содействовали росту интеллектуального уровня российского общества и были широко распространены в читательских кругах⁷. Всего библиография

¹ Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Коран в России: переводы и переводчики. С. 89.

² Тупилов Н. Михаил Иванович Верёвкин: Историко-литературный очерк. С. 7.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ См. подробный обзор литературного творчества М. Веревкина: Тупилов Н. Михаил Иванович Верёвкин: Историко-литературный очерк. С. 15–31.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Коран в России: переводы и переводчики. С. 90.

переводов М. Веревкина насчитывает 146 томов, причем тематика переведённых им книг самая разнообразная: исторические, юридические и педагогические трактаты, биографии (в числе которых значится первая в России книга о Конфуции, переведённая с французского языка), книги по естественным наукам и сельскому хозяйству¹.

В контексте нашего рассмотрения стоит упомянуть, что М. Веревкин переводил и книги по исламоведческой тематике. Так, среди выполненных им переводов значатся такие важнейшие востоковедческие труды эпохи, как сочинение аббата Миньона «История Оттоманской империи» и трактат Игнаса д'Оссона «Полная картина Оттоманской империи»². Последнее упомянутое сочинение являлось для российских читателей источником уникальных сведений об этой стране и, в частности, о религиозной жизни мусульман³. Отсюда можно заключить, что М. Веревкин проявлял значительный интерес к востоковедению, и к исламскому миру в частности. Пожалуй, в этом отношении он был одним из самых эрудированных российских интеллектуалов.

Потому видится весьма закономерным, что именно он выполнил перевод Корана на русский язык (в глазах современников этот перевод являлся, по сути, первым, поскольку более ранние переводы не были распространены среди читателей). Перевод М. Веревкина был издан в Санкт-Петербурге в 1790 году. Как уже было упомянуто выше, основой для него послужил французский перевод А. дю Рье. Этим объясняются многочисленные недостатки русского перевода. Однако куда важнее упомянуть о его достоинствах. Во-первых, он характеризуется высокой степенью соответствия французскому оригиналу. Во-вторых, он обладает высокими литературными достоинствами, его стиль отличается простотой и ясностью, что выгодно выделяет его среди многих позднейших переводов Корана на русский язык.

Перевод Корана М. Веревкина в целом повторяет структуру издания А. дю Рье. Так, издание содержит краткое жизнеописание пророка Мухаммада, а затем перевод работы А. дю Рье «*Sommaire de la Religion des Turcs*», название которой было переведено М. Веревкиным как «Оглавление догматов веры магометанской по толку так у турков называемой Сунны». Затем было помещено «Вступление», принадлежащее перу самого М. Веревкина. В нем русский переводчик дает собственную характеристику Корана. При написании он пользовался европейскими научными работами, а также доступными ему цитатами из классиков арабской мысли. Среди европейских работ он также упоминает знаменитый очерк Г. Придо «Жизнь Магомета» («*Life of Mahomet*»).

¹ Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Коран в России: переводы и переводчики. С. 90.

² Тупилов Н. Михаил Иванович Верёвкин: историко-литературный очерк. С. 12.

³ Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Коран в России: переводы и переводчики. С. 90.

Во «Вступлении» М. Веревкин положительным образом отзывается о поэтических достоинствах Корана. При этом переводчик смело отмежевывается от подхода, принятого на вооружение в европейских работах, посвященных жизнеописанию Пророка¹, что, вероятно, определило его выбор для перевода на русский язык уже к тому моменту довольно старого французского издания. В целом критические суждения о Коране и Магомете в издании М. Веревкина носят «дежурный» характер. Положительная настроенность переводчика по отношению к переводимому тексту способствовала привлечению внимания российского читателя к Корану. В частности, именно перевод М. Веревкина послужил основой поэтического цикла А. С. Пушкина «Подражания Корану»². По известному замечанию русского поэта, Коран в переводе М. Веревкина стал первой в его жизни книгой религиозного содержания, которая произвела на него колоссальное впечатление. Позволим себе привести здесь несколько строк, на наш взгляд свидетельствующих об этом наиболее ярко:

«В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман.
Его таинственная сила
Слова святыя начертила
На нем безвестная рука».

Пользуясь переводом М. Веревкина, русский поэт, переводчик восточной поэзии и политический деятель М. Л. Михайлов (1829–1865) опубликовал фрагменты Корана в стихотворном переводе³.

Ввиду того, что М. Веревкин не владел арабским языком и не имел возможности аутентично передать стилистические особенности оригинала, он принял решение воспроизвести возвышенное, торжественное настроение текста Корана с помощью широкого использования церковнославянской лексики. Это переводческое решение передалось

¹ Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих: перевод с аравского на французский язык Андрея дю-Рюэра-да-ла-Гард-Малезера <...> Печатана в Амстердаме и Лейпциге в 1770 году, по-русийски же переложена, Московского наместничества, Клинской округи, в сельце Михалева. Ч. 1. С. XXVIII.

² Капиталёва К. С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Л., 1930. Т. 5. С. 243–270.

Сафиуллин Я. Г. Об источниках «Подражаний Корану» Пушкина // А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков. Тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. А. С. Пушкина. Казань, 1998. С. 65–66.

³ Михайлов М. Л. Переводы и подражания // Избранное. М.: Художественная литература, 1979. С. 84.

«по наследству» всем переводам Корана на русский, выполненным в XIX веке (интересно, что эта особенность распространяется и на переводы, выполненные напрямую с арабского языка).

Второй из переводов Корана на русский язык, изданных в период правления Екатерины II, был выполнен на основе знаменитого перевода Корана на английский язык за авторством Джорджа Сейла и издан в 1792 году типографией Императорской академии наук под заглавием «Ал Коран Магомедов, переведённый с арабского языка на английский с приобщением к каждой главе на все тёмные места изъяснительных и исторических примечаний, выбранных из самых достовернейших историков и арабских толкователей Ал Корана Георгием Сейлем»¹. Спонсором издания выступил издатель и библиограф В. Сопиков (1765–1818)².

Автором данного перевода выступил российский литератор и переводчик Алексей Васильевич Колмаков (ум. в 1804 г.)³. Он специализировался на переводах с английского языка. Его основной профессиональной специализацией был перевод технической литературы, поскольку местом его службы была Адмиралтейская коллегия. Кроме того, он занимался литературной деятельностью: как оригинальной (в 1791 г. опубликовал сборник стихотворений «Стихотворения»), так и переводческой (переводил актуальные произведения английской литературы)⁴.

Еще раз обратим внимание на тот факт, что данный перевод был выполнен на основе английского перевода Корана Дж. Сейла 1734 года. Отметим, что по своим литературным характеристикам и филологической надежности он в значительной степени превзошел французский

¹ Колмаков А. В. Ал Коран Магомедов, переведенный с арабского языка на английский: в 2 ч. Ч. 1. С приобщением к каждой главе на все темные места изъяснительных и исторических примечаний, выбранных из самых достовернейших историков и арабских толкователей Ал Корана Георгием Сейлем, и с присовокуплением обстоятельного и подробного описания жизни лжепророка Магомеда, сочиненного славным доктором Придо // Д. Сейл; с англ. на рос. пер. А. Колмаков. СПб.: При Императорской академии наук, 1792.

Колмаков А. В. Ал-Коран Магомедов... Ч. 2. СПб., 1792.

Текст первой части перевода доступен онлайн на сайте электронной библиотеки «Научное наследие России». [Электронный ресурс] // URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10002926>

² Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800: в 5 т. М., 1962–1966. Т. 1. С. 26–27.

³ Сведения о жизни и деятельности А. В. Колмакова даются в соответствии с работами: Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Коран в России: переводы и переводчики // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 87–88.

Колмаков А. В. // Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и Список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 1–3. Т. 2. Берлин: Тип. Розенталя и К^о, 1880. С. 150–151.

Колмаков А. В. // Половцев А. А. (сост.). Русский биографический словарь. Т. 9. СПб., 1903. С. 72.

⁴ Библиографию работ А. В. Колмакова см.: Колмаков А. В. // Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и Список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 2. С. 150–151.

перевод А. дю Рье¹. Помимо того, перевод Дж. Сейла включал в себя многочисленные комментарии, выполненные на основе таковых латинского перевода Л. Мараччи², включенных в его перевод 1698 года. Эти комментарии были включены в русское издание 1792 г. в полном объеме. Тексту перевода предшествует «Предисловие Английского Переводчика»³. Кроме того, в издание также был включен перевод вышеупомянутой работы Г. Придо (в том же году ее перевод вышел отдельным изданием). Автором данного перевода являлся П. С. Андреев.

Таким образом, данное издание стало первым научно комментированным изданием Корана на русском языке, в некоторых отношениях выполненным уже в соответствии с научными результатами, достигнутыми только зарождавшимся в Европе исламоведением и корановедением. С другой стороны, настроенность перевода А. Колмакова, в отличие от такового М. Веревкина, является значительно более полемичной; кроме того литературные качества данного перевода в целом ниже, нежели у перевода М. Веревкина. По этой причине перевод А. Колмакова не снискал такой популярности, как перевод М. Веревкина, и не повлиял на духовную жизнь страны так, как это удалось сделать этому последнему.

Подведем итог нашему изложению. Мы видим, что уже к концу XVIII — началу XIX в. традиция перевода Корана на русский язык являлась весьма развитой: Коран был представлен в русскоязычном пространстве и в научном, и в литературном, и в духовном контекстах. Однако при изучении причин и следствий ее столь быстрого и впечатляющего по масштабам развития следует обязательно принимать во внимание то, что традиция переводов Корана на русский язык была изначально укоренена в интеллектуальном пространстве Восточной Европы, где рецепция Корана на славянских языках уже на протяжении нескольких веков осуществлялась как литовскими, а затем российскими и польскими татарами, так и государственными деятелями и учеными Великого княжества Литовского — Речи Посполитой, Русского царства, Молдавского княжества.

При этом традиции переводов Корана на старобелорусский/польский языки не связаны между собой напрямую в филологическом отношении, поскольку переводы на русский язык осуществлялись с европейских изданий. Однако рецепция Корана в Российском государстве

¹ Этот вопрос мы уже рассматривали подробнее в работе:

Мухетдинов Д. В. Исторический анализ развития традиции перевода Корана на французский язык: в поиске синтеза эстетики и науки // Ислам в современном мире. 2021. Т. 17. № 2. С. 91–118.

² Данный перевод рассматривался нами подробнее в контексте изложения истории традиции переводов Корана на латинский язык: Мухетдинов Д. В. Трансформация парадигмы перевода Корана на латинский язык: между полемикой и наукой // Ислам в современном мире. 2020. Т. 16. № 4. С. 27–50.

³ Колмаков А. В. Ал Коран Магомедов, переведенный с арабского языка на английский. Ч. 1. С. I–V.

в XVI–XVII вв. осуществлялась под значительным влиянием мусульманских подданных русского царя, активно переходивших к нему на службу в этот период. Это влияние и соответствующая рецепция Корана выразились в том числе в попытках прямого перевода Корана на русский язык, которые мы привели выше; имеются основания предположить, что в действительности подобного рода памятников существовало значительно больше. Надеемся, что некоторые из них в будущем будут обнаружены и изучены учеными. Так или иначе, появлению перевода П. Постникова, вероятно созданного уже к концу XVII в., предшествовал именно этот процесс длительного культурного и интеллектуального обмена, без которого столь ранний полный перевод Корана на русский язык едва ли бы мог появиться — как и остающийся анонимным перевод, выполненный несколько лет спустя. В свою очередь, этот опыт способствовал созданию двух современных на конец XVIII в. русскоязычных изданий Корана, в одном из которых были отражены наиболее прогрессивные и гуманистические тенденции эпохи и где Коран был представлен в качестве одного из прекраснейших образцов словесности, а в другом — были воплощены результаты научного изучения Корана стремительно развивавшейся в тот период гуманитарной науки. Таким образом, все рассмотренные в данной статье памятники должны исследоваться в том числе и в контексте единого интеллектуального пространства Восточной Европы XVI–XVIII веков.

Источники

- РГАДА. Ф. 89 («Сношения с Турцией»). Оп. 1. Д. 2. Л. 224–227.
РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). Оп. 15. Ед. хр. 1325.
РГАДА. Ф. 181. Оп. 1 (ч. 1). Ед. хр. 148/217. Л. 3 об.

Литература

Алкоран о Магомете, или Закон турецкий: Преведеный с французского языка на российский. СПб., 1716. 350 с.

Антонович А. К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс: Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса, кафедра русского языка, 1968. 418 с.

Белоброва О. А. Гадзаловский (Гадзяловский) Стахий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII век. Ч. 1 / под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 1992. 410 с.

Богословский М. М. Русское общество и наука при Петре Великом. Л., 1926. 28 с.

Буланин Д. М. Николаев С. И. Чижинский Степан Федорович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII век. Ч. 4. СПб., 2004. С. 229–232.

Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Коран в России: переводы и переводчики // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 81–96.

Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции: в 3 ч. / подг. текста и коммент. А. А. Зимина; под ред. академика Л. В. Черепнина. М.: Институт истории СССР, 1978. Ч. 1–3. 631 с.

Густерин П. В. Первый переводчик и первое издание Корана на русском языке // Исламоведение, 2011. № 1. С. 84–92.

Демидчик В. П. Памятники белорусской литературы, писанной арабским письмом, и легенда о ночном вознесении Мухаммада // Проблемы арабской культуры. Памяти академика И. Ю. Крачковского. М.: «Наука», ГРВЛ, 1987. С. 238–253.

Екатерина II. Грамота на права и выгоды городам Российской империи // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXII, 1784–1788. № 16187. С. 358–384.

Зайцев И. Из истории перевода Корана на русский язык в XVI–XVII вв.: первый перевод суры «Очищение веры» // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 2. С. 81–92.

Кантемир Д. Книга Систима, или О состоянии мухаммеданския религии. СПб., 1722. [4], 5, [1], 12, 8, 379, [1] с.

Капиталёва К. С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Л., 1930. Т. 5. С. 243–270.

Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих: Перевод с аравского на французский язык Андрея дю-Рюэра-да-ла-Гард-Малезера <...> Печатана в Амстердаме и Лейпциге в 1770 году, по-русски же переложена, Московского наместничества, Клинской округи, в селце Михалево. СПб., 1790. Ч. 1–2. Ч. 1–1790. [4], XXXIV, [2], 224 с.; Ч. 2–1790. [2], 372, [17] с.

Колмаков А. В. Ал Коран Магомедов, переведенный с арабского языка на английский: в 2 ч. Ч. 1. С приобщением к каждой главе на все темные места изъяснительных и исторических примечаний, выбранных из самых достовернейших историков и арабских толкователей Ал Корана Георгием Сейлем, и с присовокуплением обстоятельного и подробного описания жизни лжепророка Магомеда, сочиненного славным доктором Придо // Д. Сейл; с англ. на рос. пер. А. Колмаков. СПб.: при Императорской академии наук, 1792. Ч. 1 [Текст]. [2], XXXII, 120, 194, 164 с.

Колмаков А. В. Ал-Коран Магомедов, переведенный с арабского языка на английский: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 1792. Ч. 2 [Текст]. [2], 293, 192 с.

Колмаков А. В. // *Геннади Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и Список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 1–3. Т. 2. Берлин: тип. Розенталя и К°, 1880. С. 150–151.

Колмаков А. В. // *Половцев А. А.* (сост.) Русский биографический словарь. Т. 9. «Кнаппе — Кюхельбекер». СПб., 1903. С. 72.

Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов / сост. Д. А. Морозов. М.: Древлехранилище, 1996. 109 с.

Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // *Избранные сочинения*: в 6 т. М. — Л.: Издательство Академии наук СССР. 1955–1960. Т. V. 1958. С. 9–192.

Крачковский И. Ю. Рукопись Корана в Пскове // *Избранные сочинения*: в 6 т. М. — Л.: Издательство АН СССР, 1955–1960. Т. I. 1955. С. 162–165.

Крачковский И. Ю. Русский перевод Корана в рукописи XVIII в. // *Избранные сочинения*: в 6 т. М. — Л.: Издательство АН СССР, 1955–1960. Т. I. 1955. С. 175–181.

Кулинич Е. Перевод Корана в среде литовских татар: история и перспективы изучения // *Четвертые Торчиновские чтения*. СПб., 2007. С. 137–145.

Курбский А. Третье послание князю Константину Острожскому // *Библиотека литературы Древней Руси* / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Т. 11: XVI век. СПб.: Наука, 2001.

Лукичев М. П. Новые архивные документы о жизни и творчестве переводчика XVII в. С. Ф. Чижинского // *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей* / Российская академия наук, Институт российской истории. М., 1997. С. 42–49.

Мазаев М. Н. Веревкин (Михаил Иванович) // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. VI. СПб., 1892. С. 20.

Михайлов М. Л. Переводы и подражания // *Михайлов М. Л.* Избранное. М.: Художественная литература, 1979. С. 80–232.

Мухетдинов Д. В. История традиции перевода Корана на испанский язык в XV–XX вв. в контексте процесса становления мультирелигиозной испанской идентичности // *Ислам в современном мире*. 2021. Т. 17. № 1. С. 27–58.

Мухетдинов Д. В. Трансформация парадигмы перевода Корана на латинский язык: между полемикой и наукой // *Ислам в современном мире*. 2020. Т. 16. № 4. С. 27–50.

Мухетдинов Д. В. Исторический анализ развития традиции перевода Корана на французский язык: в поиске синтеза эстетики и науки // *Ислам в современном мире*. 2021. Т. 17. № 2. С. 91–118.

Мухлинский А. О. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб.: Типография Э. Веймара, 1857. 70 с.

Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. Т. 2. Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 гг. СПб., 1862. II, 694, XXV с.

Резван Е. А. Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 608 с.

Родюков М. В. Новые источники о первом русском докторе медицины П. В. Постникове // Археографический ежегодник за 1985 год. М.: Наука, 1986. С. 209–212.

Сафиуллин Я. Г. Об источниках «Подражаний Корану» Пушкина // А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков. Тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Казань, 1998. С. 65–66.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800: в 5 т. М., 1962–1966. Т. 1. 1962. 436 с.

Станкевіч Я. Беларускія мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом. Вільня, 1933. 33 с.

Сутер П. Альфуркан татарскі: Каран-тэфсір татараў Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 2009. 530 с.

Сутер П. Литовско-татарские тefsиры как объект интерференциального исследования. // Kipciaku tiurku. Orientas Lietuvoje. Istorija ir tyrimų perspektyva. Vilnius: Danielius, 1994. Pp. 145–152.

Сутер П. Существует ли белорусский перевод Корана (тефсир)? // Исламская культура татараў-мусульман Беларуси Литвы и Польши и яе узаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі. Другая міжнародная навукова-практычная канферэнцыя. Менск, 19–20 траўня 1995. № 4(1). С. 50–56.

Тупиков Н. Михаил Иванович Верёвкин: Историко-литературный очерк. СПб., 1895. [2], 31 с.

Халяев Н. В. Постников (Петр Васильевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIVa. СПб., 1898. С. 710.

Цветаев Д. В. Медики в Московской России и первый русский доктор: Историко-биографический очерк. Варшава, 1896. 64 с.

Шмурло Е. П. В. Постников: Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894. 167 с.

Якубович М. Переводы Корана на украинский язык: краткая история // Rocznik Tatarow Polskich. Seria 2. T. V (XIX). 2018. С. 45–60.

Drozd A., Dziekan M., Majda T. Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polskolitewskich. Warszawa: Res Publica Multiethnica, 2000. 84 p.

Drozd A. Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich (XVI–XX w.). Zarys problematyki // Drozd A., Dziekan M., Majda T. Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Warszawa: Res Publica Multiethnica, 2000. S. 12–38.

Drozd A. Wotywy chrześcijańskie na literaturę, Tatarów w dawnej Rzeczypospolitej // Pamiętnik literacki. Roczn. LXXXVIII. Zeszyt 3. Wrocław, 1997. S. 3–34.

Rozemond K. Kurbsky's Translation of the Works of St. John of Damascus // St. Patr. 1966. Vol. 9. Pp. 588–593.

Suter P. Alfurkan Tatarski — Der litauisch-tatarische Koran-Tefsir. Köln, Weimar, Wien: Böhlau-Verlag GmbH, 2004. xx, 555 p.

Szynkiewicz J. Literatura religijna Tatarów litewskich i jej pochodzenie // Rocznik Tatarski II. S. 138–143.

Temčinas S. Какой польский печатный Коран перевел в московском Посольском приказе С. Ф. Чижинский в 1683 году: К рецепции произведений Иоанникия Галатовского // Tatarskie dziedzictwo kulturowe. Historia. Literatura. Sztuka. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2018. С. 67–76.

Waugh D. C. Ioannikii Galiatovs'kyi's Polemics against Islam and Their Muscovite Translations // Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on His Sixtieth Birthday by His Colleagues and Students. Part 2. Cambridge, MA 1980 (Harvard Ukrainian Studies, Vol. 3/4, 1979–1980). Pp. 908–919.

Weiher E. Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie im Kirchenslavischen // Anzeiger für slavische Philologie. Graz, 1972. Bd. 6. S. 138–159.

Archive sources

The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 89 ("Relations with Turkey"). List 1, Iss. 2, Pp. 224–227.

The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 181 (Manuscripts Department of the Moscow State Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation). List 15, 1325.

The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 181. List. 1 (part 1), 148/217. P. 3.

References

Alkoran o Magomete ili Zakon tureckij: Prevedenyj s francuzskogo yazyka na rossijskij [The Qur'an Translated from French into Russian] (1716). Saint Petersburg. 350 p.

Antonovich A. K. (1968). *Belorusskie teksty, pisannyye arabskim pis'mom, i ih grafiko-orfograficheskaya sistema* [The Arabographic Belorussian Texts: Graphics and Orthography]. Vilnius. Vilnius State University named after V. Kapuskas. 418 p.

Belobrova O. A. (1992). Gadzalovskij (Gadzyalovskij) Stahij. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*. Iss. 3: 17th Century. Part 1. Saint Petersburg. 410 p.

Bogoslovskij M. M. (1926). *Russkoe obshchestvo i nauka pri Petre Velikom* [The Russian Society and Science During Peter the Great's Epoch]. Leningrad. 28 p.

Bulanin D. M. Nikolaev S. I. (2004). Chizhinskij Stepan Fedorovich. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*. Iss. 3: 17th Century. Part 4. Saint Petersburg. Pp. 229–232.

Gavrilov Yu. A., Shevchenko A. G. (2012). Koran v Rossii: perevody i perevodchiki [Translations and Translators of the Qur'an in Russia]. *Vestnik Instituta sociologii*. 2012. No. 5. Pp. 81–96.

Gosudarstvennyj arhiv Rossii XVI stoletija: opyt rekonstrukcii [The Russian State Archive of the 16th Century: An Attempt of Reconstruction] (1978). Moscow: II SSSR. Part 1–3. 631 p.

Gusterin P. V. (2011). Pervyj perevodchik i pervoe izdanie Korana na russkom yazyke [The First Russian Qur'an Translator and Translation]. *Islamovedenie*. 2011. No. 1. Pp. 84–92.

Demidchik V. P. (1987). Pamyatniki beloruskoj literatury, pisannoj arabskim pis'mom, i legenda o nochnom voznesenii Muhammada [The Arabographic Belorussian Literary Monuments and the Legend on the Muhammad's Night Journey]. *Problemy arabskoj kul'tury. Pamyati akademika I. Yu. Krachkovskogo*. Moscow: Nauka. Pp. 238–253.

Empress Catherine II. (1830). Gramota na prava i vygody gorodam Rossijskoj imperii [The Instruments on the Rights and Benefits of the Cities of the Russian Empire] *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda*. Saint Petersburg: Tipografija II otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii. Vol. 22. Pp. 358–384.

Zajcev I. V. (2016). Iz istorii perevoda Korana na russkij yazyk v XVI–XVII vv.: pervyj perevod sury «Ochishchenie very» (1572) [History of the Translations of the Qur'an into Russian Before Peter the Great: The First Translation of Sūrat al-Ikhlās (sūrat al-tawhīd) (1572)]. *Islam v sovremennom mire*. 2016. Vol. 12 (2). Pp. 81–92.

Kantemir D. (1722). *Kniga Sistima, ili O sostoyanii muhammedanskija religii* [The System Book or on the State of Muhammad's Religion]. Saint Petersburg. 379 p.

Kashtalyova K. S. (1930). «Podrazhaniya Koranu» Pushkina i ih pervoishtchnik [On the Primary Source of A. S. Pushkin's "Imitations of the Qur'an"]. *Zapiski Kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee Akademii nauk SSSR*. Leningrad. Vol. 5. Pp. 243–270.

Kniga Al'-Koran aravlyanina Magometa, kotoryj v shestom stoletii vydal onuyu za nisposlannuyu k nemu s nebes, sebya zhe poslednim i velichajshim iz prorokov Bozhiih: Perevod s aravskogo na francuzskij yazyk Andreya dyu-Ryuera-da-la-Gard-Malezera <...> Pechatana v Amsterdame i Lejpcige v 1770 godu, po-rossijski zhe perelozhena, Moskovskogo namesnichestva, Klinskoj okrug, v sel'ce Mihaleve [The Russian Translation of the French Qur'an Translation Coran. *L'alcoran de Mohamet* Made by André de Ryer and Printed in 1770 in Amsterdam and Leipzig] (1790). Saint Petersburg. In 2 vols. 224+372 p.

Al Koran Magomedov, perevedennyj s arabskogo yazyka na anglijskij: v 2 ch. Ch. 1. S priobshcheniem k kazhdoj glave na vse temnye mesta iz'yasnitel'nyh i istoricheskikh primechanij, vybrannyh iz samyh dostovernejshih istorikov i arab-skih tolkovatelej Al Korana Georgiem Sejlem, i s prisovokupleniem obstoyatel'no-go i podrobnogo opisaniya zhizni Izheproroka Magomeda, sochinennogo slavnym doktorom Prido [The Russian Translation of the English Qur'an Translation Koran, Commonly Called The Alcoran of Mohammed, Made by George Sale, 1734. Part 1, with Commentaries] (1792). Saint Petersburg. In 3 vols. 120+194+164 p.

Al-Koran Magomedov, perevedennyj s arabskogo yazyka na anglijskij [The Russian Translation of the English Qur'an Translation] (1792). In 2 vols. Saint Petersburg. 293+192 p.

Kolmakov A. V. In: Gennadi G. N. (1880). *Spravochnyj slovar' o russkikh pisatelyah i uchenyh, umershih v XVIII i XIX stoletiyah, i Spisok russkikh knig s 1725 po 1825 g.* In 3 vols. Vol. 2. Berlin: Rosenthal&Co. Pp. 150–151.

Kolmakov A. V. (1903). In: Polovcev A. A. (Ed.) *Russkij biograficheskij slovar'*. Vol. 9. Saint Petersburg. P. 72.

Morozov D. A. (Ed.) (1996). *The Short Catalogue of Arabic Manuscripts and Documents of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)*. Moscow: Drev-lehranilishche. 109 p.

Krachkovskij I. Yu. (1958). Ocherki po istorii russkoj arabistiki [Outlines on History of the Russian Arabistic Studies]. *Izbrannye sochineniya*. In 6 vols. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 1955–1960. Vol. 5. Pp. 9–192.

Krachkovskij I. Yu. (1955). Rukopis' Korana v Pskove [The Pskov Qur'anic Manuscript]. *Izbrannye sochineniya*. In 6 vols. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 1955–1960. Vol. 1. Pp. 162–165.

Krachkovskij I. Yu. (1955). Russkij perevod Korana v rukopisi XVIII v. [The Russian Qur'an Translation in a Manuscript of the 18th Century]. *Izbrannye sochineniya*. In 6 vols. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 1955–1960. Vol. 1. Pp. 175–181.

Kulinich E. (2007). Perevod Korana v srede litovskih tatar: istoriya i perspektivy izucheniya [The Lithuanian Tatar Qur'an Translations: History and Perspectives of Study]. *Chetvertye Torchinovskie chteniya*. Saint Petersburg. Pp. 137–145.

Kurbskij A. (2001). Tret'e poslanie knyazyu Konstantinu Ostrozhskomu [The Third Message to the Prince Konstantin Ostrozhskiy]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*. Vol. 11: XVI vek. Saint Petersburg: Nauka.

Lukichev M. P. (1997). Novye arhivnye dokumenty o zhizni i tvorchestve perevodchika XVII v. S. F. Chizhinskogo [New Archive Documents on Life and Work of the Russian Translator of the 17th Century S. F. Chizhinskiy]. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.): sbornik statej*. Moscow: IRI RAN. Pp. 42–49.

Mazaev M. N. (1892). Verevkin (Mihail Ivanovich). *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. 6. Saint Petersburg. P. 20.

Mihajlov M. L. (1979). Perevody i podrazhaniya [Translations and Imitations]. In: Mihajlov M. L. *Izbrannoe*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. Pp. 80–232.

Mukhetdinov D. V. (2021). Istoriya tradicii perevoda Korana na ispanskij yazyk v XV–XX vv. v kontekste processa stanovleniya multireligioznoj ispan-skoy identichnosti [The History of the Tradition of Translation of the Qur'an into Spanish in the XV–XX Centuries in the Context of the Process of Establishment of a Multi-Religious Spanish Identity]. *Islam v sovremennom mire*. 2021. Vol. 17 (1). Pp. 27–58.

Mukhetdinov D. V. (2020). Transformaciya paradigmy perevoda Korana na latinskij yazyk: mezhdru polemikoj i naukoj [The Latin Translation of the Qur'an Between Controversy and Research]. *Islam v sovremennom mire*. 2020. Vol. 16 (4). Pp. 27–50.

Mukhetdinov D. V. (2021). Istoricheskij analiz razvitiya tradicii perevoda Korana na francuzskij yazyk: v poiske sinteza estetiki i nauki [French Translations of the Qur'an Between Aesthetics and Scholarly Accuracy]. *Islam v sovremennom mire*. 2021. Vol. 17 (2). Pp. 91–118.

Muhlinskij A. O. (1857). *Issledovanie o proiskhozhdenii i sostoyanii litovskih tatar* [Inquiry on Origin and Current State of Lithuanian Tatars]. Saint Petersburg: Tipografiya E. Vejmar. 70 p.

Pekarskij P. (1862). *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom: v 2 t. T. 2. Opisanie slavyano-russkikh knig i tipografij 1698–1725 gg.* [Science and Literature in Russia During Peter the Great's Epoch. In 2 vols. Vol. 2. Description of Slavic-Russian Printing Houses. 1698–1725]. Saint Petersburg, 694+XXV p.

Rezvan E. A. (2001). *Koran i ego mir* [The Qur'an and Its World]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 608 p.

Rodyukov M. V. (1986). Novye istochniki o pervom russkom doktore mediciny P. V. Postnikove [New Sources on the First Russian Doctor P. V. Postnikov]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1985 god*. Moscow: Nauka. Pp. 209–212.

Safiullin Ya. G. (1998). Ob istochnikah «Podrazhanij Koranu» Pushkina [On Sources of A. S. Pushkin's "Imitations of the Qur'an"]. *A. S. Pushkin i vzaimodejstvie nacional'nykh literatur i yazykov. Abstracts of the conference*. Kazan. Pp. 65–66.

The Integrated Catalogue of Russian Civil Printed Book of the 18th Century. 1725–1800. In 5 vols. Moscow. Vol. 1. 1962. 436 p.

Stankevich Ya. (1933). *Belaruskaya musul'mane i belaruskaya litaratura arab-skim pis'mom* [The Muslims of Belarus and the Arabographic Belorussian Literature]. Wilno. 33 p.

Suter P. (2009). *Al'furkan tatarski: Karan-tefsir tatarau Vyalikaga knyast-va Litouskaga* [The Tatar Al-Furqan. The Tatar Tafsir from the Grand Duchy of Lithuania]. Minsk. 530 p.

Suter P. (1994). Litovsko-tatarskie tefsiry kak ob'ekt interferencial'nogo issledovaniya [Lithuanian-Tatar Tafsirs as Object of Interferencial Analysis]. *Kipčiakų tiurkų Orientas Lietuvoje: istorija ir tyrimų perspektyva*. Vilnius: Danielius. Pp. 145–152.

Suter P. (1995). Sushchestvuet li belorusskij perevod Korana (tefsir)? [Does The Belorussian Qur'an Translation Exist?]. *Islamskaya kul'tura tata-rau-musul'man Belarusi Litvy i Pol'shchy i yae uzaemadzeyanne z belaruskaj i inshymi kul'turami. Drugaya mizhnarodnaya navukova-praktychnaya kanferencya*. Minsk. Iss 4 (1). Pp. 50–56.

Tupikov N. (1895). *Mihail Ivanovich Veryovkin: Istoriko-literaturnij ocherk* [M. I. Veryovkin: A Biographical Outline]. Saint Petersburg. 31 p.

Halyaev N. V. (1898). Postnikov (Petr Vasil'evich). *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. XXIVa. Saint Petersburg. P. 710.

Cvetaev D. V. (1896). *Mediki v Moskovskoy Rossii i pervij russkij doktor: Istoriko-biograficheskij ocherk* [Doctors in Moscow Russia and the First of Them: A Biographical Outline]. Warsaw. 64 p.

Shmurlo E. (1894). *P. V. Postnikov: Neskol'ko dannyh dlya ego biografii* [Some Data for P. V. Postnikov's Biography]. Yuryev. 167 p.

Yakubovich M. (2018). Perevody Korana na ukraïnskij yazyk: kratkaya istoriya [A Short History of Ukrainian Qur'an Translations]. *Rocznik Tatarow Polskich*. Seria 2. Vol. V (XIX). Pp. 45–60.

Drozd A., Dziekan M., Majda T. (2000). *Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich*. Warszawa: Res Publica Multiethnica. 84 p.

Drozd A. (2000). Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich (XVI–XX w.). Zarys problematyki. In: Drozd A., Dziekan M., Majda T. *Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich*. Warszawa: Res Publica Multiethnica. Pp. 12–38.

Drozd A. (1997). Wotywy chrześcijańskie na literaturę, Tatarów w dawnej Rzeczypospolitej. *Pamiętnik literacki*. Rocz. LXXXVIII. Zeszyt 3. Wrocław. Pp. 3–34.

Rozemond K. (1966). Kurbsky's Translation of the Works of St. John of Damascus. *StPatr*. 1966. Vol. 9. Pp. 588–593.

Suter P. (2004). *Alfurkan Tatarski — Der litauisch-tatarische Koran-Tefsir*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau-Verlag GmbH. xx, 555 p.

Szynkiewicz J. (1935). Literatura religijna Tatarów litewskich i jej pochodzenie. *Rocznik Tatarski II*. Pp. 138–143.

Temčinas S. (2018). Kakoj pol'skij pechatnyj Koran perevel v moskovskom Posol'skom prikaze S. F. Chizhinskij v 1683 godu: K recepcii proizvedenij Ioannikiya Galyatovskogo [On Reception of I. Galyatovski's Work. Which Polish Printed Qur'an Did S. F. Chizhinskiy Translate in 1683 in Moscow Posol'ski Prikaz]. *Tatarskie dziedzictwo kulturowe. Historia. Literatura. Sztuka*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek. Pp. 67–76.

Waugh D. C. (1980). Ioannikii Galiatovs'kyi's Polemics against Islam and Their Muscovite Translations. *Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on His Sixtieth Birthday by His Colleagues and Students*. Part 2. Cambridge (Harvard Ukrainian Studies, Vol. 3/4, 1979–1980). Pp. 908–919.

Weiher E. (1972). Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie im Kirchenslavischen. *Anzeiger für slavische Philologie*. 1972. Bd. 6. S. 138–159.

THE SLAVIC QUR'AN TRANSLATION OF THE 16TH–18TH CENTURIES: POLAND AND RUSSIA

Abstract. This paper aims to continue and develop the research cycle on history of Qur'an translations in Europe. The paper deals with rethinking of possible background of Russian Qur'an translations, commonly traced back up to the first half of the 19th century. Ca. 1800 the tradition of Qur'an translating in Russia was already rich and varied in its scientific, literary and religious contexts. However, its origin could be found in the earlier similar tradition of Lithuanian Tatars, which was developed at least from the 16th century in intellectual space of the three states, namely Grand Duchy of Lithuania, Rzeczpospolita and Tsardom of Russia. This Muslim ethnocultural group shaped their own Qur'an translation school in the West Russian (Ruthenian, Old Belarusian) language closely related to modern Russian.

Keywords: the Qur'an, Russian Qur'an translations, Lithuanian Tatars' literary heritage, Petr Postnikov, Mihail Veryovkin, East European intellectual space.

Damir V. MUKHETDINOV,

D. Sci. (Theol.), rector,

Moscow Islamic Institute

(12, Kirova Lane, 109382, Moscow, Russian Federation);

professor, head of Centre of Islamic Studies,

Saint Petersburg State University

(11, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation).

E-mail: dmukhetdinov@gmail.com

